

ПСИХОАНАЛИЗ СКАЗКИ

Сказка, формирующая реальность: психоаналитический взгляд на патологию отцовской фигуры и третьего сквозь призму истории Красной Шапочки

Г. В. Гладких, А. Б. Утенкова, Д. В. Чернощекина

Гладких Галина Викторовна – психоаналитически ориентированный психолог, магистр психологии.

Утенкова Анна Борисовна – психоаналитически ориентированный психолог, магистр психологии.

Чернощекина Диана Владимировна – психоаналитически ориентированный психолог, магистр психологии.

На сегодняшний день психоаналитическая теория подчеркивает важность отцовской фигуры в нормальном психосексуальном развитии ребенка. Отцовская функция не сводится только к биологическому отцовству, но включает в себя широкий спектр психологических и эмоциональных аспектов: отец является разделяющим ребенка с матерью, что является необходимым шагом в развитии младенца; представляет внешний мир и вводит элемент дистанции и различия, что помогает ребенку развивать свою индивидуальность и автономию. Отец также является моделью для ребенка в формировании идентичности и развитии символизации. Эдипальный конфликт является одной из ключевых точек развития индивида, транслируя закон и порядок, а также внесение запретов и ограничений. И под отцовской функцией подразумевается не только отец как таковой, но и функция третьего, способная преобразовать диадические отношения матери и ребенка. Но что, если проявление отцовской функции недостаточно или патологично? Насколько это может сказаться на развитии ребенка? И может ли символизм сказок и легенд усугублять данное негативное воздействие? В данной статье предлагается проследить развитие психоаналитической мысли по исследованию отцовской роли и роли третьего, включая патологические и компенсаторные аспекты. Также авторы рассматривают символизацию амбивалентности отца-оборотня через призму волка-третьего в одной из популярнейших сказочных историй – кейсе Красной Шапочки.

Ключевые слова: отцовство, триада, диада, триангуляция, закон отца, мифология, сказка, символизм, третий, эдипов конфликт, доэдипальный период, реальный отец, символический отец, Красная Шапочка.

Психоаналитический взгляд на отцовскую функцию за последние столетия претерпел значительные изменения и сильно расширился: изначально роль отца рассматривалась начиная с эдипальной стадии развития, впоследствии внимание было обращено и на доэдипальные стадии. В триангуляции первичных отношений мать – ребенок – отец ребенок получает необходимый опыт установления объектных отношений, в которых он воспринимается как отдельная личность, признаваемая и поощряемая, в значительной степени с помощью отца, и может нетравматично и естественно сепарироваться от матери. Отец выполняет роль третьего, или внешнего первичного объекта, и его присутствие в процессе воспитания, особенно на символическом уровне, крайне важно.

Но что, если взглянуть на данный символизм из позиции мифологии, а именно сказок? В данной статье мы ставим перед собой целью развить и дополнить исследование отцовской функции – функции третьего – через ту символизацию, в которой вырастает ребенок, отраженную в том числе в сказках, легендах, семейных или народных преданиях.

На этом моменте обратимся к одному из самых популярных аналитических кейсов – случаю Человека-Волка Зигмунда Фрейда, где Панкратову приснился знаменитый сон с шестью-семью белыми волками, сидящими на дереве. Образ волка преследует пациента постоянно: «У него была книга с картинками, в которой был изображен волк, стоявший на задних лапах и широко шагавший. Когда ему попадалась на глаза эта книга, он начинал истуканно кричать, боясь, что придет волк и сожрет его» (Фрейд, 1996, с. 162). Историю с пирамидой из волков, гнавшихся за портным, рассказывал и дедушка.

В своей статье Фрейд проводит связь между образом волка и мужскими фигурами, задаваясь вопросом о влиянии сказок и ярких образов из них: «Страх перед отцом был сильнейшим мотивом его заболевания, и амбивалентная установка ко всякому заместителю отца господствовала во всей его жизни, как и в его поведении во время лечения. Если волк был у моего пациента только первым заместителем отца, то возникает вопрос, имеют ли сказки о волке, который пожирает козлят, и о Красной Шапочке своим скрытым содержанием что-либо другое, чем инфантильный страх "перед отцом"? У отца моего пациента была, кроме того, привычка "ласково бранить" сына (что не редкость в обращении с детьми), и угроза в шутку "я тебя съем" в первые годы, вероятно, не раз была произнесена, когда позже строгий отец, играя, ласкал своего маленького сына» (Фрейд, 1996, с. 171).

Как мы видим, в кейсе пациента Фрейда игривые угрозы отца в сторону своего сына, вербализированные во фразе «Я тебя съем», усугубились мифологией сказок, в сюжете которых ребенка настигал факт съедения более сильной и властной фигурой: «Одна моя пациентка рассказала мне, что оба ее ребенка никогда не могли полюбить дедушку, потому что, играя с ними, он их часто пугал тем, что вскрыет им живот» (Фрейд, 1996, с. 171).

Таким образом, фигура отца/третьего и ее функция становятся небезопасными для ребенка, ассоциируясь со страхом уничтожения, кастрации,

поглощения — иными словами, с волком, что позволяет нам говорить о возможности патологического влияния роли третьего на психоэмоциональное развитие индивида.

В связи с этим наше внимание привлеч сюжет сказки «Красная Шапочка». Являясь одной из самых популярных историй, она пересказывалась в многочисленных интерпретациях у разных народов, находя отражение и в современных трактовках, где объекты становятся порой более сексуализированными, а роль номинальной и реальной отцовской фигуры то появляется, то вытесняется. Однако перед разбором данного кейса обратимся к психоаналитической теории, исследовавшей проблематику фигуры отца/третьего.

Эволюция роли отца в психоаналитическом подходе

В рамках психоаналитической теории постепенно складывалось достаточно тонкое и разнообразное понимание сложностей отцовства — как в фактической, так и в символической областях. Фокус на отце имеет три концептуальные волны, первая из которых начинается еще с основополагающих работ Фрейда.

Фрейд всегда проявлял интерес к месту отца в психике ребенка и особенно к роли символического отца в начале процесса перехода от природы к культуре. Весь основополагающий миф как психоанализа, так и культуры опирается на представление о символическом отце. Перельберг достаточно подробно исследовала эволюцию фрейдовского понимания роли отца для формулирования вышеуказанной основополагающей конструкции (*Perelberg, 2015*). Так, отец психоанализа сначала изучал роль реального отца в соблазнении дочери (*Sullivan, 1959*), а затем анализировал собственные сны, в которых обнаружил значение фантазий бессознательного и амбивалентного отношения к отцу (*Freud, 1983*). В дальнейшем Фрейд провел разграничение между «убитым» нарциссическим отцом доисторического периода и «мертвым» символическим отцом, который метафорически убит внутренне (*Freud, 1991*).

Согласно Фрейду, отцеубийство есть «основное преступление человечества» (*Freud, 1989, p. 183*), именно оно послужило источником вины; в качестве исторической, культурной и, что наиболее важно, психической реальности сформировало психическую жизнь. Развитие идеи о довольно абстрактной отцовской функции, которая врывается в первичное слияние ребенка с матерью, при этом включая в себя первичную идентификацию с первичным отцом личной предыстории, было осуществлено в работе над структурно выстроенной теорией, где эмоциональное отношение с изначальной отцовской идентификацией увязывалась с Я-идеалом (против Супер-Эго) (*Freud, 2014*).

Основная идея первой волны в том, что символическая отцовская функция, в отличие от отношений с матерью, незаметна, скрыта и не может быть сведена к воплощению чувственной сферы. От чувственной сферы матери ребенок переходит под влияние мыслительной сферы отца.

Лакан стал первым аналитиком, определившим концепцию термина «мертвый отец», использованного еще Фрейдом, и, следовательно, продолжил и развил теории первой волны, добавив свое видение: символический порядок становится первичным через фактические, реальные действия отца (*Lacan*, 1966, 1974, 2005). Отец – объект желания матери, отсюда, вторгаясь в нарциссические отношения матери и ребенка, отцовская функция разделяет мать и ребенка через установление табу на инцест. Для обозначения Отца автором Закона и перехода от Воображаемого к Символическому порядку «убийство отца» становится необходимым (*Lacan*, 1966, р. 556). Символический Отец, представляя собой символическую основу разделения и отречения, десексуализации и идеалов, а также альтернативу безумию, «в той мере, в какой он означает этот Закон, действительно является мертвым Отцом» (*Lacan*, 1966, р. 557).

Вторая волна характеризуется понятиями: притяжение и разделение, диадический и триадический реальный отец.

Не многие аналитики, среди которых Анна Фрейд (*Freud & Burlingame*, 2014) и Винникотт (*Winnicott*, 1960, 1969), обращали внимание на развитие реальных отношений отца и ребенка. Однако вскоре произошел монументальный сдвиг, начавшийся со второй волной теоретизирования в 1970-х и начале 80-х годов. Фокус перенесся на фактического отца как человека с ребенком, сперва на доэдипальной фазе. Он сформировался благодаря работам Абелина (1971, 1975, 1980), Росса (1979), Гринспена (1982), Херцога (2008) и Блоса (1984, 1985). Кульминацией второй волны стала работа под редакцией Кэта и его коллег (*Cath et al.*, 2013a; *Cath et al.*, 2013b), в которой свое развитие нашли идеи Фрейда, им самим так до конца и не сформулированные, среди которых – упущенные аспекты мифа об Эдипе, спровоцированные фактическими бессознательными комплексами отца и матери Эдипа (*Zepf et al.*, 2016), дополненные наблюдениями и клиническими данными. Таким образом, мы приходим к более глубокому пониманию интрапсихического воздействия, влияющего на телесно-сенсорное, эмоциональное и интеллектуальное взаимодействие и привязанность в диадных отношениях. На сегодняшний день ясно, что такое воздействие часто начинает действовать еще до того, как возникают функции разделения и кастрации триадного отца.

Деятельность реального отца на доэдипальной стадии помогает сформировать диадическую связь, полную любви и доверия, негендерные отношения между отцом и сыном (*Blos*, 1984, 1985; *Diamond*, 1998, 2007) и идентификационную любовь между отцом и дочерью (*Benjamin*, 1990, 1991). Стремления мальчика к убийству отца как того, кто отлучает его от матери, несколько сдерживаются желанием отца к сыну и идентификацией отца с сыном, которого он может присвоить себе в качестве альтернативы более закрытому слиянию матери и ребенка (*Campbell*, 1995). Убийственные порывы легче сводятся к фантазиям и через это трансформируются в здоровую конкуренцию, поскольку вовлеченный отец способен сдерживать гнев как свой, так и сына, при помощи своего авторитета, для того чтобы побудить сына учиться, творить и работать (*Diamond*, 1998, 2007).

Затем последовал вызов патриархальным основам психоанализа с сопутствующими ему возвышением символического авторитета отсутствующего отца, эдиповым комплексом и гендерным неравенством. Феминистически настроенные аналитики (*Benjamin, 1990; Freeman, 2008*) выдвинули свои утверждения, что символический отец должен быть заменен или вытеснен реальным отцовским участием, а не включен наравне с ним в психоаналитическую концепцию отца. Символический отец и отцовская функция остаются необходимыми, хотя на них влияют фактическое присутствие отца, а также способность матери поддерживать его участие в развитии ребенка.

Перельберг придерживается иной точки зрения, полагая, что символический отец и отцовская функция – это основополагающие мифы психоанализа и культуры. Будучи отражением более абстрактного уровня концептуализации, действительное присутствие отца не может оказать влияние на символическое функционирование (*Perelberg, 2015*). Однако клинические данные, предоставленные аналитиками второй волны, а также теоретиками третьей волны, прямо указывают на то, что реальное присутствие или отсутствие отца, а также его одобрение матерью влияют как на развитие, так и на поддержание символических и отцовских функций. И все же сложные отношения между фактическими и символическими отцовскими функциями остаются не до конца ясными.

Третья волна характеризуется сложным взаимодействием между реальным и символическим отцовством, а также внутренними репрезентациями и триадной реальностью.

Теории третьей волны синтезируют классическую теорию и теорию объектных отношений, интересубъективные, полевые аспекты и аспекты привязанности. Отец воспринимается как сложное сочетание его реального присутствия, символического функционирования и внутреннего представления его в сознании ребенка и в сознании матери. Существовая вместе с матерью и ребенком, отец – одновременно и символическая фигура, и реальная личность. Именно так он менее теряется «в тени вседушной заботливой матери» (*Freeman, 2008, p. 115*).

Соотношение реальной, символической и репрезентативной отцовских функций вызывает споры в психоаналитической среде, к тому же роли отцов и матерей постоянно меняются. Андре Грин (*Green, 2009*) высказывал французский/европейский взгляд, в котором отец не внушает страх, но обладает характеристиками отца-матери (*Faimberg, 2013*). Эта идея предполагает, что «слишком безопасное» присутствие отца ослабляет или нивелирует его символическую функцию. У Грина подсвечивается беспомощность «мертвого» отца, по сравнению с реальным непосредственным отцовским участием, отчасти потому, что приятный и продолжительный контакт ребенка и его отца может приводить к возникновению чувства страха и вины (*Green, 2009*).

Совершенно иной подход у североамериканских аналитиков, на которых большое влияние оказывают эго-психология, исследования привязанности, современный феминизм, интересубъективность и теории отношений. Они рассматривают все эти меняющиеся механизмы как признак

«большей силы, авторитета и живости отцовской функции» (Myers, 2009, p. 192), возможно, под влиянием присутствия отца. Как фактическое участие отца влияет на его символическую функцию и на отцовскую репрезентацию, пока неясно. Для объяснения этого необходима дальнейшая работа по изучению особенности взаимодействия реального и символического.

Фундаментальная «кормящая триада», в которой отец эмоционально поддерживает мать, пока она держит ребенка (Casement, 1985), становится основой способности младенца удерживать трехсторонние отношения. Такую трактовку предлагают швейцарские аналитики, показавшие, что младенец, находящийся в контакте с одним из родителей, периодически спонтанно смотрит на другого родителя, чтобы вовлечь его или ее тоже (Fivaz-Depeursinge and Corboz-Warnevy, 1999; Fivaz-Depeursinge et al., 2010; Lichtenberg, 2008). Получается, что, вне зависимости от своего фактического присутствия, отец будет вездесущим третьим в треугольнике бессознательных связей «мать – ребенок» и «отец – ребенок»; но эти связи с легкостью могут быть нарушены латентными конфликтами в родительских отношениях (Von Klitzing et al., 1999).

Отцовство: патология и компенсация через фигуру третьего

Базовая потребность человека в признании начинается с матери и продолжается в отношениях с отцом, который признает ребенка. Такое взаимодействие формирует основу его индивидуальности и дает возможность ощущать и осознавать себя как целостное и отдельное от других существо, но в то же время связанное с остальными (Winnicott, 1957). Отсюда появляется возможность формировать зрелые объектные отношения. Признание независимой субъективности ребенка, его инаковости, не подчиняющейся родителям, – это такая форма признания, когда ребенок рассматривается как нечто большее, чем он есть в настоящее время (Loewald, 1979). То же может сделать аналитик для пациента, становясь третьим и выполняя отцовскую функцию.

Грин полагает, что исключение отца из отношений между матерью и младенцем может иметь серьезные последствия и стать основой для развития психических заболеваний, а в долгосрочной перспективе – даже психоза (Green, 2004). Отцу предоставляется ведущая роль в установлении границ и правил, что помогает ребенку осознать различия между полами и поколениями. В отсутствие отца у ребенка разыгрываются фантазии о собственном всемогуществе, усиливается нарциссизм, размываются границы, не воспринимается разница полов и поколений. Не происходит естественного процесса сепарации, что мешает развитию внутриспсихического пространства ребенка и приводит к симбиотическому психозу.

Все варианты патологического развития характеризуются наличием фантазий и отношений инцестуозного характера. В норме разрешения эдипова конфликта ребенок получает интернализированный запрет на

инцест, впоследствии у него формируется нормальная сексуальная идентичность, половая и полоролевая дифференциация. Ребенок может достичь генитального уровня развития.

Если мы связываем эдипов комплекс с желаниями и фантазиями, которые впоследствии запрещаются и вытесняются в бессознательное и которые проявляются только в чувстве вины и невротических симптомах, тогда инцест является разрешенным и совершенным актом, который затем скрывается и преобразуется в теле, психике и поведении. Инцестуозность представляет собой регистр отношений с объектом, который заменяет фантазии на их отражение и воплощение (*Racamier, 2021*).

Инцест в данном случае представляет собой травму не в качестве реального события, а как характеристика атмосферы, которая существует во внутриспсихическом пространстве семьи и формирует склонность к сокрытию, прямым отыгрываниям влечений, причем с путаницей в ролях. Привычные границы между поколениями и полами оказываются смутными, а вот границы самой семьи, напротив, очень четкими, что ограничивает ее возможности контактировать с социумом. При неправильном развитии нежность замещается насильственным внедрением сексуального аспекта взрослого, и это вызывает такую сильную тревогу, что она подавляет способность ребенка к символизации и свободному мышлению (*Ferenczi, 2018*).

Отец передает ребенку символический порядок посредством мыслительного процесса, вербализированного в речи. Этот процесс происходит благодаря фундаментальной психической проработке, которая связана с неопределенностью отцовства. Сомнение вызывает вопросы, которые приводят к интеллектуальному конструированию отца в психике ребенка. Именно эта символизация называется в психоанализе «отцовской функцией». Она не политична и не религиозна, но имеет антропологическое объяснение: отцовство – это не просто плотская и спонтанная ситуация, она требует осмысления с помощью мысли и языка, в то время как материнская функция первична как чувственный опыт. Поэтому следует отделять «отцовскую функцию» (антропологический порядок) от «отцовской роли» в семье и обществе (воспитательный порядок) и «патриархальной функции» (социальный и политический порядок). Отсюда следует, что «символический отец», или «отец эдипова комплекса», фактически не является ни хорошим воспитателем, ни вожаком, но именно он для ребенка становится отцом. С появлением возможности установить отцовство оно по-новому входит в сферу реального и непосредственного восприятия. Поворот от матери к отцу трактовался как переход от чувственного к духовному еще и потому, что это переход от неопровержимого к гипотезе, основанной на дедукции и предположении.

Что происходит с «символической действенностью», если отцовская функция ослабевает или исчезает или не отличается от материнской (*Levi-Strauss, 2015*)? Может ли кто-то отличный от отца привести к такой значительной символизации? Наличие отца не гарантирует развития

символизации. Расхождение между реальным, воображаемым и символическим отцом кажется полезным и здравым на уровне теории, но имеет свои побочные эффекты в реальности.

Вопрос ребенка «где мой отец?» препятствует вопросам типа: «этот человек, который обо мне заботится или утверждает, что он мой отец, – действительно ли мой отец?», которые открывают интеллектуальные и эдипальные стадии развития. Вместо спокойного перехода от чувственного к интеллектуальному, к закону и культуре, вторгаются воображение и беспокорство. Мать может выполнять функции реального отца, заниматься с ребенком тем, чем обычно занимается мужчина, взять на себя его роль. Но она не может выполнять символическую отцовскую функцию. По своей биологической природе она не может стать реальным отцом.

Поиск воображаемого отца может произойти и тогда, когда ребенок понимает, что его отец не столь совершенен, как он думал. Здесь появляется «зов к отцу», как это явление назвал Фрейд: призыв к отцу, который исходит из нехватки или фрустрации и основывается на всех видах воображаемого отца, от прекрасного до жестокого, но обходит стороной эдипова и символического. Упадок отцовской функции провоцирует исчезновение символического, а также активацию Супер-Эго, в его строгой и даже жестокой форме, и тогда воображаемый отец занимает место и реального, и символического. Фрустрация и чрезмерная строгость соединяются так же, как сливаются свирепый отец Супер-Эго и униженный отец Ид, которые отражают друг друга. Поэтому отрицание или отсутствие – это признание исчезновения отцовской функции и, как следствие, – отсутствие символизации, вербализации этой реальности. Все это приводит к «зову к отцу», ностальгическому действию, зачастую бессознательному. Такой призыв сопровождает анархию влечений, вызывая непропорциональный рост Супер-Эго (Freud, 2016).

Далее мы предлагаем рассмотреть патологическую отцовскую функцию, выраженную в том числе анархией влечений на примере кейса Красной Шапочки.

Психоаналитический взгляд на кейс Красной Шапочки

Говоря о сказках, верованиях и легендах, не стоит недооценивать их влияния на психику растущего ребенка. Сказки могут помочь в развитии воображения, творческих способностей, позволяя детям идентифицироваться с героями и переживать с ними различные ситуации и эмоции. Также с помощью них дети могут осмыслять и знакомиться с определенными моральными и этическими принципами и ценностями. Безусловно, важную роль здесь могут играть образы персонажей и их поведенческие аспекты. И здесь не следует недооценивать то, что некоторые сказки содержат жестокие и насильственные элементы, провоцирующие страх и тревогу. Насколько ребенок может интерпретировать подобные аспекты в отношении реальных событий и фигур из своей жизни?

Является ли сказка элементом, закрепляющим психическую реальность ребенка, включая первертные аспекты и способствуя формированию определенной патологии?

Сюжет сказки о девочке и волке (оборотне) популярен на протяжении вот уже нескольких столетий как народная легенда и имеет множество возможных толкований в разных культурах, переосмысляясь различными авторами и рождая разные варианты, среди которых можно выделить следующие:

- Французская версия Шарля Перро, датированная 1697 годом. Вариант данной трактовки содержит более жестокую интерпретацию событий.

- Немецкая версия братьев Гримм (начало XIX в.). В этой версии зверь-оборотень (волк) не пытается съесть Красную Шапочку, а обманывает ее, чтобы она сама забрела в лес и привела его к бабушке.

- Арабская версия «Тахминя», записанная в XIX веке народным сказителем из Египта, представляет собой мрачную историю о девочке, которая выходит замуж за оборотня и пытается избегать его.

- Итальянская версия «La finta nonna» («Лживая бабушка»), автором которой считается Джованни Франческо Страпарола, где Красная Шапочка подозревает зверя-оборотня в обмане и умудряется спасти свою бабушку.

- Русские версии переводов были изложены в трактовке И. С. Тургенева, М. Н. Полевого и неизвестных авторов, где менялась концовка истории от счастливой до более жестокой.

Обратимся к сюжетной линии, изложенной в трактовке Шарля Перро и опубликованной в 1697 году в его книге «Сказки матушки Гусыни», где отец Красной Шапочки не упоминается, а мужская фигура представлена только в виде волка, который является также символом сексуальной опасности.

Жила-была девочка Красная Шапочка, которую любили все вокруг. Она очень любила свою бабушку, которая жила за лесом. Когда бабушка заболела, мама Красной Шапочки поручила девочке принести бабушке угощение. Отправившись в лес, Красная Шапочка встречает на своем пути Волка. Узнав, что девочка идет к бабушке, Волк задумал съесть обеих. Отправив Красную Шапочку собирать цветы, он короткой дорогой добрался до бабушки, съел ее и лег в ее постель. Придя к дому бабушки, девочка по приглашению Волка раздевается и ложится к нему в постель. Замечая отличия, она пробует идентифицировать лежащую подле нее фигуру с бабушкой, задавая вопросы, почему у той большие глаза, руки, зубы. В этот момент Волк открывает свое истинное лицо и съедает Красную Шапочку, на чем сказка и заканчивается. Далее следует мораль о том, что молодым девицам подобает быть осторожнее с соблазнителями, иначе их может постигнуть кара – символическое съедение волком (Перро, 2022).

Когда сказка была переписана братьями Гримм, непристойные элементы сюжета, связанные с тем, что девочка раздевается и ложится в постель к зверю-оборотню, были исключены из текста. Вместе с тем добавлено в начало наставление Красной Шапочке от матери – таким образом

подвергается сомнению материнский авторитет при встрече с соблазняющим Волком. Также добавляется положительная фигура третьего в виде Охотника (в иных переводах – дровосека), спасающего в финале повествования женские фигуры (девочка и ее бабушка) через убийство Волка и вспарывание его живота (Мельников, 2018).

Так или иначе можно обозначить ключевые аспекты данного сюжета в рамках обозначенной нами темы исследования:

- насколько реальна роль отца в жизни девочки, либо он является отсутствующим и можно говорить о невозможности триады в семье Красной Шапочки;

- какова роль структурирующего закона и запрета, который нарушается, когда девочка общается с инаковой мужской фигурой (Волком);

- насколько контакт с Волком может являться «зовом к отцу», выраженным в бессознательном анархичном влечении;

- вопросы инцестуозности в семье, обозначенные моментом, когда девочка ложится в постель к женско-мужской фигуре;

- разрушительное или целебное воздействие имеет роль Охотника-третьего, избавляющего девочку от ее смертоносного влечения.

Сказка «Красная Шапочка» стала предметом интереса для многих психоаналитиков, которые исследуют мотивы и символы, содержащиеся в сюжете. Особое внимание уделяется отцовской и мужской фигурам, которые появляются в разных версиях сказки.

Эрих Фромм полагает, что символика данного сюжета может служить аналогией фрейдистских взглядов, также он интерпретирует символизм мужских фигур в «Красной Шапочке» как важный аспект отцовской власти и авторитета, беря за основу версию со спасением девочки и бабушки. Согласно Фромму, отцовский авторитет важен для развития ребенка и становится основой для формирования его личности. В сказке «Красная Шапочка» отец отсутствует, однако в истории есть и другой мужской персонаж – Охотник, который в конечном итоге спасает Красную Шапочку и ее бабушку от Волка, символизируя это как акт подавления опасных и разрушительных мужских инстинктов, выраженных в фигуре Волка.

Также Фромм отмечает враждебность мужских фигур, а сексуальный акт сравнивает с каннибалистическим пожиранием, где мужское подавляет женское. Что в свою очередь провоцирует агрессию со стороны сплотившихся женских фигур различных стадий развития (девочка, бабушка), где квинтэссенцией становится акт возмездия – набивание живота Волка камнями. Таким образом триумфально провозглашается бесплодие и невозможность мужских фигур сотворить акт вынашивания ребенка и его последующего рождения (Фромм, 2011).

Следует добавить, что данном контексте можно говорить о том, что отсутствующая фигура реального отца провоцирует сплоченность женских фигур, старающихся сформировать и присвоить собственную версию «порядка отца» и закона, одновременно выраженную в акте аутоагрессии на закон – в те моменты, когда Красная Шапочка отрекается от наставлений матери. Контакт с инаковым мужским неизбежен, но губителен.

И губителен он не только для отдельной личности, но и для всей «женской стаи», где мы видим образ «матрешки» (бабушка, мать, девочка). Только появление третьего (Охотника) способно восстановить женские фигуры и вернуть им жизнь, но и Охотник будто сразу исчезает, исполнив свою роль. И здесь мы можем предполагать, что женские фигуры, где отец недоступен для создания триады, будут стремиться сохранить диадические отношения, вытесняя третьего.

Американский психоаналитик Бруно Беттельгейм считает, что Волк является метафорой для мужчин, которые представляют сексуальную опасность для девочек. Он также отмечает, что бабушка в сказке может быть символом женщины, которая не защитила себя от мужской агрессии, и этот сценарий может быть скопирован следующими поколениями женских фигур. Сама же Красная Шапочка, находясь в пубертатном возрасте, разрывается между принципом реальности и принципом удовольствия в тот момент, когда Волк предлагает ей осмотреться и идти собирать цветы, тогда как мать ее наставляла идти строго к бабушке, никуда не сворачивая.

Беттельгейм поднимает проблематику эдипального конфликта в жизни девочки, испытывающей желание быть соблазненной отцовской фигурой, роль которой также может быть возложена на Волка. В свою очередь и Волк не может овладеть Красной Шапочкой, не исключив старшие женские фигуры, для чего отправляется первой съесть бабушку девочки. В целом в сказке показано расщепление мужской/отцовской функции: все первобытное, животное, поглощающее возложено на зверя-оборотня, и, наоборот, показан идеализированный образ отца-спасителя, структурирующего и ответственного, способного совладать с первым порывом агрессии (убить Волка), чтобы спасти Красную Шапочку и ее бабушку от разрушительного мужского начала (Беттельгейм, 2019).

Следуя за мыслью Беттельгейма, мы можем предположить, что, видя расщепленный образ фигуры третьего, Красная Шапочка оказывается перед выбором: принять ли амбивалентность мужской фигуры для того, чтобы соединить воедино разрушительную и структурирующую функцию, выводящую ее на новый виток развития? И в этом случае приходится допустить в ее устоявшиеся отношения с женскими фигурами третьего, а также прогоревать выход из диадических отношений и обесценивание материнских догматов.

Красная Шапочка уже в какой-то мере нарушила запрет на инцест, ложась в постель то ли с бабушкой, то ли с отцовской фигурой в виде зверя-оборотня. И здесь мы можем говорить о патологии формирования сексуальной идентичности у девочки.

Таким образом, несмотря на возможное введение фигуры третьего, его роль никогда не сможет быть полностью восполнена до уровня вхождения в триаду и проработки эдипова конфликта в контексте данной истории.

Отображение кейса в терапевтической работе

Зачастую в реальной терапевтической работе пациентки (отметим, что авторы опираются на собственные кейсы, где велась работа с пациентами-женщинами, у которых наблюдался дефицит отцовской функции) могут вспоминать о потерянном/отсутствующем отце как о теплой, принимающей фигуре, будто не замечая негативных и порой ужасающих событий из своего детства. Мужские фигуры (которые могут отражаться в отце, третьем, мужьях, любовниках) – будто те самые «волки», зубов и лап которых не хочется замечать. Не подобную ли фигуру искала и Красная Шапочка? Персонаж Волка нарочито опасен, девочка уже видит его пасть, готовую ее поглотить, но готова поддаться искушению: романтизируя образ через собирание цветов, к которым соблазнил ее Волк, она ложится к нему в постель.

Пациенты, не прошедшие через опыт формирования полноценных триадических отношений, могут нападать на структурирующие аспекты – как в личной жизни, так и в работе с терапевтом. Закон, порядок для таких пациентов представляет чужеродный объект, вызывающий тревогу и желание отыгрывания. То же мы наблюдаем и в кейсе Красной Шапочки, нарушающей единственное обозначенное ей правило – не сворачивать с тропинки и следовать строго до дома бабушки.

Расщепленные мужские фигуры и «тоска по отцу» в виде опасно соблазняющего Волка и идеализированного Охотника отображают расщепление отцовской фигуры (он же третий), что часто отражено в амбивалентном отношении у пациентов к отцу. И подобную амбивалентность они готовы транслировать терапевту: «тоска» по сессиям может быть дополнена атакой на кадр в виде опозданий, отмен, переносов сессий.

В психоаналитической теории обозначено, что в отсутствие реального отца необходимо найти кого-то, кто сможет реализовать роль символического отца – третьего: это условие для развития символизации. При работе с кейсами клиентов мы наблюдаем, насколько затруднительно принятие этого третьего на более поздних этапах развития. Это может осложнять терапевтическую работу, где на терапевта накладываются обе проекции – материнская и отцовская. Безусловно, структурирующую отцовскую функцию выполняет и кадр. Терапевт в данном случае выполняет для пациента роль любого объекта, тем самым открывая переходное пространство и давая возможность проработать в том числе эдипов комплекс.

В заключение отметим, что психоаналитический взгляд подчеркивает важность отцовской функции в нормальном психосексуальном развитии ребенка. Отец играет важнейшую роль в разделении с матерью, формировании гендерной идентичности и регуляции сексуальности ребенка, а также способствует формированию символизации, здоровому психическому развитию индивида. Данная функция может быть исполнена не обязательно биологическим отцом, но альтернативным третьим.

И все же крайне актуальным является качественное прохождение ребенком пути от зачатия и появления на свет к диадическим отношениям с матерью, а в последующем – к отцу через триадические отношения,

способствующие прохождению эдипального конфликта. Так, в диаде младенец впервые учится выстраивать объектные отношения, и здесь матери важно иметь в своем бессознательном и в своей речи отца, тем самым подготавливая переход к триаде. Триада же позволяет ребенку конструировать свои внутренние репрезентации; переход к отцу означает переход от чувственного к духовному, к закону и культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беттельгейм Б.* О пользе волшебства. Смысл и значение волшебных сказок. М.: Секачев В. Ю., 2019.
2. *Мельников А. Ю.* К вопросу о переводах сказки Шарля Перро «Красная шапочка» в России // *Детские чтения.* 2018. №. 1 (13). С. 285–309.
3. *Перро Ш.* Французский с Шарлем Перро. Кот в сапогах и другие сказки (из сборника «Сказки матушки Гусыни») / Charles Perrault. Contes de ma Mère l'Oye. Litres, 2022.
4. *Фрейд З.* Случай Человека-Волка (Из истории одного детского невроза) // *Человек-Волк и Зигмунд Фрейд.* Сборник / Пер. с англ. К.: Port-Royal, 1996. 352 с.
5. *Фромм Э.* Забытый язык. Litres, 2011. С. 240.
6. *Abelin E. L.* (1975) Some further observations and comments on the earliest role of the father. *The International Journal of Psycho-Analysis.* Vol. 56. P. 293.
7. *Abelin E. L.* (1971) The role of father in separation-individuation process. *Separation-individuation.*
8. *Abelin E. L.* (1980) Triangulation, the role of the father and the origins of core gender identity during the rapprochement subphase. *Rapprochement.* P. 151–170.
9. *Benjamin J.* (1990) An outline of intersubjectivity: The development of recognition. *Psychoanalytic psychology.* Vol. 7. P. 33.
10. *Benjamin J.* (1991) Father and daughter: Identification with difference. A contribution to gender heterodoxy.
11. *Blos P.* (1984) Son and father. *Journal of the American Psychoanalytic Association.* Vol. 32. No. 2. P. 301–324.
12. *Blos P.* (1985) Son and father: Before and beyond the Oedipus complex.
13. *Campbell D.* (1995) The role of the father in a pre-suicide state. *The International Journal of Psycho-Analysis.* Vol. 76. No. 2. P. 315.
14. *Casement P.* (1985) *On Learning from the Patient.* London (Tavistock/Routledge).
15. *Cath S. H., Gurwitt A. R., Gunsberg L.* (2013) *Fathers and their families.* Routledge.
16. *Cath S. H., Gurwitt A. R., Ross J. M.* (2013) *Father and child: Developmental and clinical perspectives.* Routledge.
17. *Diamond M. J.* (1998) Fathers with sons: Psychoanalytic perspectives on «good enough» fathering throughout the life cycle. *Gender and Psychoanalysis.* Vol. 3. P. 243–300.
18. *Diamond M. J.* (2007) *My father before me: How fathers and sons influence each other throughout their lives.* WW Norton & Company.

19. *Faimberg H.* (2013) The "as-yet situation" in Winnicott's "Fragment of an analysis": Your father "never did you the honor of"... yet. *The Psychoanalytic Quarterly*. Vol. 82. No. 4. P. 849–875.
20. *Ferenczi S.* (2018) *L'enfant dans l'adulte*. Éditions Payot. P. 152.
21. *Fivaz-Depeursinge E., Corboz-Warnery A.* (1999) The primary triangle. *New York*. P. 224.
22. *Fivaz-Depeursinge E., Lavanchy-Scaiola C., Favez N.* (2010) The young infant's triangular communication in the family: Access to threesome intersubjectivity? Conceptual considerations and case illustrations. *Psychoanalytic Dialogues*. Vol. 20. No. 2. P. 125–140.
23. *Freeman T.* (2008) Psychoanalytic concepts of fatherhood: Patriarchal paradoxes and the presence of an absent authority. *Studies in gender and sexuality*. Vol. 9. No. 2. P. 113–139.
24. *Freud A., Burlingame D.* (2014) Developmental Hazards of Institutionalization. *Romania's Abandoned Children*. P. 124.
25. *Freud S.* (1989) Dostoevsky and parricide. *Russian Literature and Psychoanalysis*. Amsterdam. P. 41–58.
26. *Freud S. et al.* (1991) On Beginning the Treatment (Further Recommendations on the Technique of Psycho-analysis I). Hogarth Press and the Institute of psycho-analysis.
27. *Freud S.* (2014) *Group Psychology and the Analysis of the Ego*. Read Books Ltd.
28. *Freud S.* (2016) Moses and monotheism. Leonardo Paolo Lovari.
29. *Freud S.* (1983) The interpretation of dreams. *Literature and Psychoanalysis*. Columbia University Press. P. 29–33.
30. *Green A.* (2009) *L'aventure négative: Lecture psychanalytique d'Henry James*. Hermann.
31. *Green A.* (2004) Thirdness and psychoanalytic concepts. *The Psychoanalytic Quarterly*. Vol. 73. No. 1. P. 99–135.
32. *Greenspan S. I.* (1982) Three levels of learning: A developmental approach to "awareness" and mind-body relations. *Psychoanalytic Inquiry*. Vol. 1. No. 4. P. 659–694.
33. *Herzog D.* (ed.). (2008) *Brutality and desire*. Palgrave Macmillan.
34. *Lacan J.* (1974) *La tercera. Intervenciones y textos*. Vol. 2. P. 73–108.
35. *Lacan J.* (2005) *Le sinthome*. Paris: Seuil.
36. *Lacan J.* (1966) Of structure as an inmixing of an otherness prerequisite to any subject whatever. *The structuralist controversy: The languages of criticism and the sciences of man*. P. 186–200.
37. *Lévi-Strauss C.* (2015) *Antropologia estrutural*. Editora Cosac-Naify. Vol. 2.
38. *Lichtenberg J. D.* (2008) Fathers and daughters: A discussion. *Psychoanalytic Inquiry*. Vol. 28. No. 1. P. 106–113.
39. *Loewald H. W.* (1979) The waning of the Oedipus complex. *Journal of the American Psychoanalytic Association*. Vol. 27. No. 4. P. 751–775.
40. *Myers H. C.* (2009) Epilogue. In *The Dead Father: A Psychoanalytic Inquiry*, ed. L. Kalinich & S. Taylor. London: Routledge. P. 189–194.
41. *Perelberg R. J.* (2015) *Murdered father, dead father: revisiting the oedipus complex*. Routledge.

42. *Racamier P. C.* (2021) *L'inceste et l'incestuel*. Dunod. P. 192.
43. *Ross J. M.* (1979) *Fathering: A review of some psychoanalytic contributions on paternity*. *The International Journal of Psycho-Analysis*. Vol. 60. P. 317.
44. *Sullivan J.* (1959) *From Breuer to Freud*. *Psychoanalytic Review*. Vol. 46. No. 2. P. 69.
45. *Von Klitzing K. et al.* (1999) *The role of the father in early family interactions*. *Infant. Mental Health Journal: Official Publication of The World Association for Infant Mental Health*. Vol. 20. No. 3. P. 222–237.
46. *Winnicot D. W.* (1969) *Mark dont le moi étranger révèle la folie de la mère. La crainte del'effondrement et autres situations cliniques*. P. 150–157.
47. *Winnicott D. W.* (1960) *Counter-transference. Part III*. *British Journal of Medical Psychology*. P. 17–21.
48. *Winnicott D. W.* (1957) *Mother and child: A primer of first relationships*. P. 210.
49. *Zepf S., Ullrich B., Seel D.* (2016) *Oedipus and the Oedipus complex: A revision*. *The International Journal of Psychoanalysis*. Vol. 97. No. 3. P. 685–707.

Fairy tale which shapes reality: psychoanalytical perspective on the pathology of the father figure and figure of the third through the prism of Little Red Ridinghood story

G. V. Gladkikh, A. B. Utenkova, D. V. Chernoshchekina

Gladkikh Galina V., psychoanalytically-oriented therapist, Master of Psychology.

Utenkova Anna B., psychoanalytically-oriented therapist, Master of Psychology.

Chernoshchekina Diana V., psychoanalytically-oriented therapist, Master of Psychology.

Today psychoanalytic theory emphasizes the importance of the father figure in the normal psychosexual development of the child. The father's function is not limited to biological fatherhood, but includes a wide range of psychological and emotional aspects: the father is the one who separates the child from the mother, which is a necessary step in the development of the baby; represents external world and introduces such notions as distance and difference, which helps the child develop individuality and autonomy. The father is also a model for the child in the formation of identity as well as the development of symbolism. The oedipal conflict is one of the key points in the development of the individual which shows law and order, as well as prohibitions and restrictions. The father function represents by not only the father himself, but also by the function of the third which can modify the dyadic relationship between mother and child. But what if the manifestation of paternal function is insufficient or pathological? How can this affect the development of the child? And can the symbolism of fairy tales and legends increase this negative impact? This article proposes to trace the development of psychoanalytic thought on the father's role and the role of the third, including pathological and compensatory aspects. The authors also study the symbolization of the ambivalence of the werewolf father through the prism of the wolf as the figure of the third in one of the most popular fairytales – Little Red Ridinghood.

Keywords: paternity, triad, dyad, triangulation, father's law, mythology, fairy tale, symbolism, third, oedipal conflict, pre-oedipal period, real father, symbolic father, Little Red Ridinghood.